

Анна ГАЗ Сорокина

Нити

18+

Анна Сорокина

Нити

«Автор»

2026

Сорокина А. Ф.

Нити / А. Ф. Сорокина — «Автор», 2026

В праздничном городе, звенящем дождём, встречаются двое. Они похожи друг на друга и не похожи на других. Что если эта встреча изменит не только их, но и весь мир, всю Вселенную? Путаясь в потоках информации и причинно-следственных связей, расплетая саму суть бытия, им придётся разобраться, как это произошло и как вернуть всё обратно. И стоит ли возвращать...

© Сорокина А. Ф., 2026

© Автор, 2026

Содержание

I Конец	5
II Кити выходит из дома	11
III И реальность вздрогнула	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Анна Сорокина

Нити

I Конец

Провинция пестрела радугами. Праздник накатывался неотвратимо и безудержно. Невозможно было прекратить этот поток эмоций внутри себя никакими силами, никакими запретами. Просто расслабиться, отдаться потоку, принять происходящее. Несколько дней, несколько часов – и всё закончится.

Природа не хотела, чтобы всё так закончилось, Природа хотела просто покоя. Но когда разумные существа яростно сопротивляются покою, строят козни и устраивают диверсии на каждом изломе времени и судьбы, невозможно следовать идеально просчитанному плану все-ленской гармонии. Природа смотрела бездонными зелёными глазами и плакала. Слезы набегали долго, набиралась огромная капля, насыщалась горем и печалью. И когда вес становился уже невыносимым, всё отчаяние срывалось и летело в бездну. Бесконечно долго, бесконечно печально и трагично. И это падение обещало никогда не заканчиваться. Измениться что-то могло только в том случае, если из печали и отчаяния родится нечто живое, большое, тёплое, нечто такое, что сможет вобрать в себя всю боль и превратить её в свет и радость. Свет и радость большие, чем боль и отчаяние. Но что бы это могло быть? Кажется, сейчас такое невозможно. Именно сейчас настал момент коллапса, когда боль мира перевесила потенциал тепла и радости. Баланс разбит и сдвинут. У Вселенной просто нет ресурсов, чтобы породить радости больше, чем есть боли.

Разумные существа бесцеремонны. Они берут горстью пустоту, льют её в бесконечное чёрное пространство синим светящимся потоком, они создают твёрдые неподвижные предметы. Их части двигаются и заставляют двигаться материю вокруг. Всё приходит в движение. Мир захватывает круговерть. Пылинки, частицы звёзд, молекулы, атомы раскручиваются крошечным ураганом, создавая локальную флуктуацию. Смерчи вокруг единичных мёртвых, но неприлично структурированных, совершенно неестественно скомпонованных кусков материи раскручиваются всё сильнее, расширяют свои радиусы, соединяются, охватывая всё более обширные сферы пустоты. И вот уже огромная часть видимого мира поглощена этим хаосом мёртвого бесплодного движения.

Разумные существа – ошибка жизни, множащие мёртвое, оправдывая это торжество смерти превосходством собственного бытия, приоритетом своего существования и выживания. Какая трагическая ошибка, какая нелепая роковая ирония. И конец ширится, пожирая всё вокруг. Торжество движения смерти. Торжество мёртвой механистичности на службе мнимого будущего живого.

Робкий шаг – мироздание не обрушивается под голой ступнёй. Стать понадежней, опереться и второй ногой, пошевелить пальцами, проверить, как реагирует реальность. А та отзывается лишь едва заметной голубой светящейся рябью. В остальном же всё как прежде. Радуги пронизывают водную гладь, нелепо вторгаются в темноту. Они как будто глупо смеются, как будто им неловко и больно. Но процесс запущен, его не отменить, не остановить. Энтер. И нет пути назад. Глаза медленно-медленно закрываются. Верхние веки опускаются на нижние, ресницы смыкаются, пересекаясь короткими вопиющими дугами. Мир светится вокруг. Но внутри темнота. И вокруг темнота. Она знает, что кругом темнота, а голубое свечение – только иллюзия.

Мизерное отставание.

Пакетик чая опускается в слишком прохладную воду и всплывает. Она тыкает в него чайной ложкой, пытаясь утопить и извлечь хоть немного вкуса и аромата, заставить молекулы покинуть своё прибежище и разлетаться в хаосе бледно-зелёной жидкости. Серое утро с прожилками нежного жёлтого света – обычное приветствие нового дня. Не грустно. Не больно. Просто никак. Если выйти на улицу, там будет что-то. Немного жизни, немного смерти, сколько-то правды и море, даже целый океан...

Океан смотрит в её окно прямо сейчас. Пятый этаж океану не помеха. Утро ли, ночь ли или белый день... это совершенно безразлично океану, затягивающему реальность вязкой иллюзией. Солярис. Нас ведь предупреждали.

Картинки меняются, как в калейдоскопе. Но не так красиво и радостно. Просто быстро и странно. Эти болезненные изломанные фигуры. Глаз не успевает отсматривать, мозг не успевает фиксировать. Замечать причинно-следственные связи? Нереально. Или.. Невозможно. Да и зачем? Матрица позаботится обо всех нас.

Мягкой лапкой рыжий кот деликатно трогает голень. Она опускает глаза, за ними подтягивается вся голова. Очень странное ощущение диссоциации. Глаза, голова, шея, губы, язык, скулы, щёки – отдельные части механизма. И кажется, что они связаны опосредованно, скорее, сомнительными электронными цепями, а не жёсткими механическими соединениями. Кот смотрит. Кот говорит. Долгие витиеватые перемяукивания и мурлыкания, с разнообразными интонациями, меняющимся регистром и громкостью. Кот говорит, что сегодня весна, что сегодня тепло. А с теплом океан позволяет войти в окно и толике радости. Она начинает чувствовать радость, расплзающуюся по плечам, сползающую на спину. Кот говорит. Но в кругом вязкая гулкая тишина океана. Это утомительно. И одновременно это легко. Принять вязкую тишину легче лёгкого. Так поступают все. Бороться с ней, проткнуть и лопнуть этот упругий пузырь – сложно, почти неподъёмно. Она может, она знает как, она хочет рассказать об этом остальным. Она делает это каждое утро.

Вечером, когда голова касается гладкой холодной простыни, когда мозг переключается в режим автонастройки и регенерации, океан проникает в поры, натягивает свою толстую мембрану на глаза, уши, на мысли, закрывает ноздри и рот, перекрывает дыхание и облепливает нейронные цепи. Сны ворочаются-ворочаются тяжелее и медленнее, слипаются, становятся сначала рыхлыми, потом склизкими. И под утро океан снова в своей власти. Она опять в гулкой тишине. И всё нужно начинать с начала. Каждый день. Каждый день... Каждый день всю силу направлять на то, чтобы вскрыть эту тугую плёнку и прорваться к реальности. Потому что так... нужно? Правильно? Хочется? Почему просто не принять, не поддаться, как это делают едва ли не все?

Бледный силуэт луны почти растворяется в белёсом небе. Чай остыл совсем. Сахар лёг на дно горкой полупрозрачного пластика. Ложечка мелодично звякает о тонкую стенку чашки снова и снова, с такой точной размеренностью, словно она – часть мёртвого выверенного движения, созданного безрассудными разумными существами.

Прямо сейчас нужно встать, повернуться, протянуть руку и достать из книжной полки тот самый блокнот. Она не знает, почему и зачем. Этот порыв, как зов, приходит с той стороны мембраны, натянутой океаном. В тишине наполненной привычными ненастоящими звуками на столе раскрывается знакомый разворот. Розовые, красные и сиреневые сердечки. Цветы тех же оттенков. Переливы и переходы. Металлизированные маркеры поверх мягких акварельных карандашей. Трёхцветная радуга как вход в глубину листа. Волшебный мир, скрывающийся за плоскостью страниц, видимый детскому воображению. Существующий там прямо сейчас. Мир этот выпучивает своё волшебство, тянет щупальца, пытается окутать и притянуть к себе. Разорвать мембрану. Проткнуть пузырь. Отогнуть океан от оконного стекла. Вывраться. Потратить на освобождение 99 процентов суточного энергетического ресурса. Только бы вдохнуть глубоко, только бы почувствовать кислород внутри своих лёгких.

Откуда он появляется каждый вечер? Кто он – этот океан? Почему так силен? Липкая субстанция, разорванная усилием воли, виснет клоками на щеках и бровях, мерзко сползает слизистыми огромными каплями по дверцам кухонного гарнитура. Она смотрит сквозь стекло на улицу: все деревья в этой мерзости. Кажется, слизь злобно шипит, сопротивляясь надвигающемуся небытию. Исчезает каждое утро. Но возвращается из небытия каждый-каждый вечер. Что-то создаёт это снова и снова, кто-то порождает океан, не оставляя её в покое. Сон – неизбежный плен. Утро – новое сражение. А если не спать? Сколько она сможет не спать?

Праздничные радуги подкатывают приступом тошноты. Ванильные позывы с нотками корицы и кардамона. Нужно больше пространства, больше пустоты между объектами этого дикого мира.

Осознанность смотрит пристально, не моргая. Пустота проступает между шкафами и столом, между ногой и кошачьей лапой, между листьями герани, между молекулами, между... Режущая звенящая острая пустота. Осознанность очищает пространство, освобождая его и оставляя таким, какое оно и есть на самом деле – пустым. Она закрывает глаза. Она наполняется пустотой. И каждый предмет в этой пустоте теперь виден и слышен отчётливо и ясно. Всё теперь существует. Всё само по себе. И связи теперь... однозначные и несомненные, единственно возможные чёткие, натянутые сильнее струны или тетивы... причинно-следственные связи. Не вязкий студень, вместе с которым от каждого движения вздрагивает и весь мир, а тонкая сверкающая звенящая сеть. Нить натягивается и тянет за собой атом в миллиардах километров отсюда. Или толкает, едва ощутимо меняя всё. И всё меняется. Все нити сдвигаются едва-едва. Но мир уже не будет таким, каким был только что. Вся сеть стала другой. Вся сеть, пронизывающая пустоту. Пустота, которая и есть реальный мир. И мы можем быть в этой пустоте, блуждая между атомами и связывающими их нитями. Только в пустоте мы и есть. Только тут вопрос о смысле имеет смысл.

Тревога уходит, но наступает бессилие и опустошённость. Созерцать пустоту. Так велика цена.

Кружатся всхлипы. Пространство любит пустоту. Глаза закатываются в транс. Почему отсюда нужно уходить?

Смена часовых поясов плохо сказывается на здоровье. Возможно, необратимо. Устоявшийся уклад лечит клетки. Физика сильнее психологии, душе не преодолеть законы природы. Душа сама подчинена им. Но зная это, она умеет ходить по струнам. Нужно только узнать, нащупать пустоту, увидеть в ней сети струн, и научиться ходить.

Пальцы скользили по тонкой блестящей в темноте паутинке. Это было больно и приятно. Она встала на нить всей ступнёй, подтянула вторую ногу, и пошла. Сначала неуверенно, раскачиваясь и балансируя руками. Пальцы задевали другие струны, смещая их, иногда разрывая и образуя новые связи. Пустоту наполнял нежный перезвон. По паутинке можно было уйти в другой край Вселенной. А можно было перескакивать с одной нити на другую, вечно блуждая в неразличимом глазом пространстве и никогда не ступая дважды на один путь.

Пустота овеивает прохладой. Пустота ощущается как свобода. И видишь всё ясно и отчётливо, словно исчезла дымка воздушной перспективы. Всё теперь просто есть. Каждый лист на дереве, каждый волос на голове, чашка, стол, кот, миска с водой, капля оторвавшаяся от крана и медленно бесстрастно падающая в водосток. Всё всегда просто есть. Но океан заполняет пустоту между вещами вязкостью, липкостью и мутью. И мы не видим и не чувствуем. Мы продираемся, словно сквозь янтарный мёд. И нам это даже нравится. Нравится чувствовать сопротивление, прилагать усилие, ощущать свою мощь, преодоление. Человек ведь создан для борьбы? Да?

Нет.

Когда висишь в прозрачной пустоте, где каждый предмет как на ладони как бы он ни был удалён от тебя, борьба начинает казаться полной бессмыслицей. С чем бороться? С пустотой? С возможностью быть везде одновременно? С вещами, которые по сути пустота среди пустоты?

И видишь все свои мечты.

Вот они – подвешенные в пустоте, оплетённые звенящими сверкающими паутинками. Тонкое полотно, вздрагивающее от мысли о мысли. Мечты такие понятные и настоящие, осязаемые. Только неподвижные. Как и всё здесь. Ты двигаешься. Ты натягиваешь нити, ты сдвигаешь предметы, меняешь конфигурацию мира. Но это ты – источник движения и изменений. Сами по себе вещи между пустотой неподвижны и неизменны.

Осознанность – миг. Неподвижность. И каждый миг – это новая осознанность. Осознанность в моменте. Потому что существует только момент, только пустота в нём. Пустота и неподвижность. И ты можешь двигаться в каждом моменте или листать моменты, двигаясь через них и нанизывая одну осознанность за другой.

Вязкий океан слипает мгновенья, лишая нас пустоты и осознанности.

Генерация бреда раскрепощает. Ты идёшь за собственной мыслью, отрекаясь от здравого смысла и усвоенных схем, а в ответ рождается нечто. Где рождается нечто? В пространстве пустоты, в пространстве сиренево-розовой ванили? Где оно накапливается и что с ним там происходит? Бред рассеивается между клавишами и в умах людей. Разумные существа заразительны. Они подхватывают и правду, и неправду, и доброе, и злое, и честное, и лукавое. Они заражаются даже уродливым, начиная верить в его красоту. Но и красота условна, возразите вы мне. И это правда. Заразительная правда, полувымысел. Объективность красоты несомненна, как и её субъективная природа. Дело вкуса... вкуса... ощущаем ваниль на языке. Или она ощущается каким-то иным органом. Люди заражают и заражаются, люди плодят липкость этого мира, заполняя пустоту несуществующим, делая её недоступной и скрытой. Эволюционный механизм, сыгравший злейшую шутку. Мы принимаем всё на веру, принимаем на себя натиск океана. И он помрачает рассудок, рассеивая возможности будущего.

Разумные существа распечатывают мир, как когда-то ящик Пандоры. Если есть надпись «нельзя», а лучше «запрещено», разумным существам не пройти мимо этой двери. Они вынимают и вынимают из запретных кладовых Вселенной мёртвые механизмы, раскручивающие бездушные вихри безжизненных изменений. Паутинки натягиваются и дребезжат. Нити лопаются, образуют запутанные клубки. Океан вступает в свои права. Где связи слишком коротки и липки. Где мёртвое над живым. Где душа забывает, как ходить по нитям.

Праздник вперился прямо в сердцевину её. Он даёт понять, что и без океана от этого никуда не деться. Можно хлестать себя по щекам. Можно кого-то другого. Орать, биться в конвульсиях, сбрасывать из окна стеклянные шары и смотреть, как они взрываются брызгами воды и осколков. Можно противиться, но нельзя уйти. Праздничные радуги пронзили уже всё небо разноцветным ворсом. Люди улыбаются, заполняя дороги и крыши белыми крупными зубами. С неба сыплется сладкая ваниль. Муторно и тошно.

Но это как погода. Сколько ни дёргай за ниточки, дождю всё равно придётся где-то упасть.

Она открывает окно. С улицы в кухню врывается запах арбузной жвачки. Праздничный ветер рвёт бледно-голубые занавески с бирюзовыми цветочками. Остаётся только позволить празднику наполнить лёгкие и начать проникать в клетки. Дать место радости. Если начать улыбаться, радость образуется где-то внутри, начнёт расползаться по телу. И вот уже улыбка держится сама собой, как привязанная. Для того и нужны праздники: чтобы привязать улыбки к разумным существам. И потому праздники так часты. Верёвочки слишком хлипкие и быстро перетираются.

Выходить в праздник не хотелось. Не хотелось думать, работать, есть и вообще жить. Эта душная атмосфера привязанных верёвочками улыбок пыталась заместить собой кристальную

прозрачность пустоты. Невыносимая радость в потоке невыносимой грусти. Реветь и стенать. Каждый празднует по-своему. Кто знает, что поднимает в ней эта дата... кто знает, какая бездонная травма записана этим днём в её родовой памяти.

Проезд запрещён. Входить нельзя. Парады и шествия. Воздух выпячивался внутрь помещения, требуя внимания и места. Она пятилась, пятилась, пока не упёрлась спиной в дверь. Можно протянуть руку, нащупать ручку, попытаться открыть дверь кухни. И что дальше? Сбежать вглубь квартиры? Спрятаться в ванной или в кладовке, переждать там в темноте, в звенящей пустоте этот день, лениво поддёргивая нити? Не получится. Не получится. Не получится, потому что вот уже трезвонит взбешённый телефонный аппарат, чтобы потребовать от неё ответа и дань памяти голосом матери или отца, или, может быть, сестры, вряд ли подруги. Город обязательно настигнет и спросит: «Почему ты не с нами? Где привязанная улыбка? Напиталась ли каждая клеточка тебя радостью? Впускаешь ли ты в себя колючие радуги?»

Светло-голубая занавеска в бирюзовый цветочек наполнилась ветром и парусом надулась, потянулась к ней. Ещё бы чуть-чуть и пустота между ними исчезла. Пятнадцать сантиметров до паруса радости. Радуги одна за другой начали падать с неба на занавеску, скатываться, и как на трамплине подпрыгивать в самом конце, отправляясь напрямик ей в лицо, в глаза, в уши, в рот. Она яростно вертела головой, закрывалась руками, ладонями, шурила глаза и стискивала зубы. Но озверевшие радуги сыпались и сыпались. От части удавалось увернуться. Но по закону больших чисел что-то должно было проскочить. Малый процент, но достаточный, чтобы медленно, но безапелляционно наполнять её разноцветием этого дня.

Она брыкалась ещё какое-то время. Но финал был неизбежен. В конце концов пришлось обречённо замереть и позволить разноцветным полоскам наполнить себя до макушки. И тогда радугапад прекратился. Наконец можно было снять трубку и ответить требующим ответа.

Звук распространялся в помещении неравномерно, расходился бледными сизыми кругами, но, наткаясь на препятствия, прогибался и уходил вверх или вниз. Наблюдать за этим было удивительно и интересно. Интереснее, чем вслушиваться в претензии и наставления. Она попыталась зачерпнуть очередное кольцо ладонью, но то рассеялось, растеклось как туман. Сизые обрывки медленно поплыли в разных направлениях. Сизые круги расползлись до того, что достигли открытого окна, и словно обрадовались этому: тут же стали стремительно вырываться наружу, донося послание до всех способных слышать.

Ей было понятно, что послание про праздник, про день, про решения, принятые не ею, но за неё и ради неё. Разумные существа такие забавные. Придётся покинуть убежище. Хотя, велика ли беда, если убежище иллюзорно, а стены его – пустота между атомами?

Трубка аккуратно легла на стол. Сизые круги продолжали ползти и утекать в окно, запутываясь в занавеске. Она нехотя подошла к стеклу, посмотрела на небо в праздничных радугах. Между ними просвечивало робкое солнце. Понятно, сегодня не его день. Скоро придёт дождь. И будет в своём праве. В своём праве в то время и в том месте, которые назначены переплетением блестящих паутинок.

Пустота снова нахлынула и охладила кожу, словно та была оголена. Пустота между радугами и солнцем, между надвигающимся дождём и его каплями, между рамой, занавесками, сизыми облаками звука... Можно попробовать пережить этот день в осознанности, в свободе и пустоте.

Океан был там за окном. Но не для неё. Она не чувствовала его, но знала, что он там, что он существует для других. И стоит ей ослабить внимание, он тут же появится и для неё. Но она не ослабит, пока не наступит ночь.

Праздник требовал дани. Нелепых нарядов, развязного веселья, экспрессивных проявлений нездоровых привязанностей. Ей сложно было увязать что-то из своего гардероба с удушливой атмосферой. Больше всего, казалось, подойдут розовые брюки и тёмно-зелёного павлиньего цвета лёгкая атласная блузка. Радуги, заполнившие её, были согласны.

Она надевает цвета, она заправляет волосы за ухо, она оставляет холодный чай на столе. Время расступается, образуя коридор и пропуская разумное существо в будущее. Разумное существо. Человека. Открытая дверь насмехается. Она не готова признаться, что ожидает там: монстры, опасности, горе, а может счастье и чудеса. Было бы проще остаться в пустоте и осознанности здесь, в мнимом укрытии, в стенах дома. Но шаг за порог уже сделан. Нити натягиваются и поют. Вещи влияют на вещи. Реальность меняется, проворачивается, рождая следующее затем.

Кити выходит из дома.

II Кити выходит из дома

Прошлое нахлынуло, обласкало и сбежало туда, к глубине. Так хотелось занырнуть в эти воды, с раздутыми щеками и выпученными глазами пораспугивать рыб и медуз, подсмотреть что-то прекрасное и, вероятно забытое. И уже почти получалось. Волны поднялись до груди, потом до шеи. Кити набрала в лёгкие столько воздуха, сколько смогла... Но город не дал ей упасть.

Город тысячей лиц и рук нёс и нёс куда-то. Рядом были знакомые и родные лица и руки, дальше лица и руки каких-то случайных людей. Ещё дальше лица и руки сливались в единую тёмную массу. «Похоже на океан» – подумалось. Такой же липкий и такой же герметично-душный.

Накатилось безразличие с холодным интересом. Она наклонила голову, как птица, и рассматривала потоки разумных существ, медленно движущиеся мимо в разных направлениях. Могло показаться, что в одном, но нет. Направлений было много. Они могли различаться градусами и даже минутами. Но если посмотреть сверху – это такой сложный динамичный узор. Может, и океан не так прост?

Эта мысль завладела всем существом, отвлекла от слаженного бестолкового движения толпы. И вдруг кто-то легко и нежно завладел её запястьем и выдернул из потока в иную реальность. Родные и знакомые унеслись дальше, даже не заметив перемены. А здесь было почти тихо. Хотя толпа – вот она – только руку протяни. И она протянула. Ту, что оставалась свободной. Прохлада воды зашелестела по пальцам, омывая их свежестью реальности. Это всё не настоящее. Но настоящее более, чем то. И нужно было ещё узнать, кто держит её руку в своей руке.

Разумное существо большого размера. Не то чтобы прям гигантского, просто немного больше обычного. Самец, похоже. Хотя... сейчас сложно быть уверенной до конца. Разумное существо с огромными глазами серо-голубого цвета. Или серо-синего? Или просто серого?

Кити почувствовала, как проваливается в смущение. Почему она не может понять, какого цвета эти глаза? Радуги смешались внутри в мутно-болотный цвет и застыли теперь взгляд. Продолжая наклонять голову, как птица, то в одну, то в другую сторону, она пыталась сосредоточиться и поймать оттенок. Процесс требовал такой концентрации, что в её купол отстранённости перестали просачиваться какие-либо звуки и пространственные изменения. Но яснее не становилось. Поле зрения расширилось, впусив всё лицо разумного существа мужского (предположительно) пола целиком. Красивое лицо. Мужественное. Скулы такие... такие молодые и высокие. «Славянские» – мелькнуло где-то в глубинах памяти, и опять потянуло туда – к рыбам, медузам и морским звёздам. Глаза непонятного цвета и прекрасные славянские скулы пытались удержать. Но притяжению прилива прошлого невозможно противостоять.

Дни наслаивались на дни, недели на недели, месяцы складывались в годы, образуя синюю, потом тёмно-зелёную толщу. И почему начало зелёное? Как росток? Но оно не растение, оно вода. Наслаивающаяся, натекающая, заполняющая, затапливающая вода, укрывающая в своей чёрной толще и правду, и неправду, и чудеса, и открытия. И потери. А вот и нет. Потери никогда не скрываются в глубине. Они всегда здесь, у поверхности. И почему-то с ними всё равно спокойнее и ровнее, чем с настоящим, бьющим в лицо волнами неизвестности. Волна, волна. Ловишь ритм, настраиваешь дыхание. Но в какой-то момент что-то происходит, ты сбиваешься с ритма, или волны меняют ритм. И солёная вода ударяет прямо в лицо, заливая глаза, нос и уши. И вот ты уже не можешь дышать, захлёбываешься, начинаешь погружаться в тёмную толщу... а там поджидают они – потери, светящиеся в полутьме тоскливыми оранжевыми глазами. Любопытно. С цветом этих глаз не ошибёшься. Да нет, она просто и так знала.

Настоящее позвало, потянуло. Разумное существо хотело ответа. На что? Она что-то пропустила. В прозрачном слое совсем недавнего прошлого растворялись медленно слова и жесты. Разумное существо считает, что они знакомы. Разумное существо хочет, чтобы она его узнала. Разумное существо думает, что это должно её обрадовать.

Никита.

Вспомнила и узнала. Но место радости в дне сегодняшнем всё занято радугами. Давай считать. Триста миллионов семьсот пятьдесят три тысячи двести девяносто семь радуг. Праздничных радуг мутно-болотного цвета. Это красивое разумное существо мужского пола выдёргивает радуги одну за другой, одну за другой. Выдёргивает их из нутра, разбирая мутно-болотный цвет на полосы спектра. Триста миллионов – это много. Но он, Никита, методичен и последователен. Внутри Кити постепенно проясняется. Цвета обретают чистоту, сепарируются друг от друга, начинают звенеть.

Или это телефон?

Сизые облака звука здесь рассеиваются почти сразу, совсем не так, как на кухне. Голос в трубке хочет знать, куда она подевалась. Встретила знакомого. Да, мужчина. Да, остаток дня проведёт с ним. Серо-голубые глаза напротив начинают улыбаться. Где прячется эта улыбка, в чём она? В морщинках вокруг глаз? В едва изменившемся изгибе бровей? Или в скулах, как будто слегка разъехавшихся в стороны? Или в самом цвете радужки? Или... или улыбка выходит взрывной волной прямо из чёрных зрачков?

Город переполнен. На Земле не так уж много разумных существ. Если скатать их в один шар, его радиус будет около километра, или что-то вроде того. В это трудно сразу поверить, но попробуйте посчитать. Если принять в среднем объём одного индивида равным шестидесяти литрам. Младенцы занимают меньше места. Но среди взрослых встречаются те ещё здоровяки. И если всю эту биологическую массу плотно слепить, без зазоров, равномерно, то получится вполне компактная трёхмерная фигура.

Когда они прячутся в своих жилищах, иногда можно подумать, что их и вовсе не существует. Но сейчас, когда все они высыпали в праздник, кажется, что на планете больше не осталось свободного места.

Это не вызывает ни страха, ни опасения, ни радости. Хотя радуг внутри осталось уже немного, они всё равно не дают развернуться чувствам как есть. Глубина защищена от этого дня радужной радостью плотно и надёжно. И Никита... как ему не повезло.

Хоть он и разумное существо (в этом нет сомнений), но что-то в нём не так, что-то иначе. Он неуловимо отличается от каждого в этой уставшей ленивой толпе. Неуловимость, которую нужно поймать. Ей всегда нужно поймать неуловимость. В этом её суть. Этим она и живёт. Этим она и полнится. Неуловимость остановить, дать ей зазвенеть, нащупать ту самую паутинку, потянуть, обнаружить. Вот она – неуловимость. Не поймана. Распознана. Никто не видит её, а она видит. И мимические мышцы начинают сокращаться. Кажется, впервые с тех пор, как сегодня утром лопнул океан. Пустота между нами, между Кити и Никитой. Через пустоту можно протянуть руку, можно дотронуться до Другого. Не прилипнуть к безликой толпе, не смешаться с ней, потеряв в ней своё лицо, а дотронуться, ощутить собственную границу, ощутить границу Другого разумного существа, поймать самость в моменте. Вдохнуть единение различий и задержать этот вдох, чтобы осознание проникло в самую суть каждой частички твоего существа.

В переполненном улицами и разумными существами городе почти невозможно найти физическое место для телесных оболочек двух отдельно взятых разумных существ. За бетонными фасадами кубокилометры пустых пространств. Но все они заперты и недоступны. Видеть город насквозь, видеть эту наполняющую его звенящую пустоту, пустоту между стенами, между предметами. Столько пустоты! И вся её!

Как поделиться пустотой с Другим?

Капли разбивают пустоту. Небо обещало и не обмануло. От дождя ощущение пространства становится только острее. Пустота тем явственнее, чем более насыщена она мелочами, дробящими мир на сегменты, натягивающими новые и новые паутинки. Разумные существа в смятении. Разумные существа смеются и бегут, толкаются, мечутся. Влага их пугает и бодрит.

Улицы наполняются дождём и освобождаются от разумных существ. Кити и Никита не бегут и не толкаются, они не в смятении, влага их только бодрит, но не пугает. Улыбки становятся одной. Смех раскатывается молчаливо, преисполненный понимания. Со смехом из глубин прошлого поднимаются воспоминания.

Когда смотришь на мир и видишь его, это создаёт проблемы, особенно, пока ты наивен и молод. Пытаешься говорить другим, с другими о мире, и в ответ получаешь непонимание, а иногда и насмешки. И перестаёшь говорить. То ли это запретная тема, то ли... в какой-то момент приходит осознание, что большинство не видят так же, как ты, а видят как-то иначе или не видят вообще. Вот тут уже стоит насторожиться.

Она не чувствовала себя с ними, не считала себя такой как они. Разумные существа – возможно. Люди? Её научили с детства считать себя человеком. Но если она человек, то вот эти все – не могут быть людьми. Они что-то иное. Кто из них здесь на своём месте, а кто пришелец? Кто имеет право называться человеком, а кто присвоил это имя без права? Разумные существа. Чтобы не обострять. Разные. Не переделывать. Не внушить своё восприятие мира.

И таких как она... Ну, Кити не была уверена. Иногда ей казалось, что какое-то разумное существо смотрит на окружающую действительность внимательнее остальных. Это могло быть признаком особого видения, такого, как у неё. А могло и не быть. Возможно, человек страдал близорукостью, и потому особенно тщательно всматривался в предметы. Кого-то так поработил океан, что они смотрели вообще в иные миры. И теперь уже ей было не понять, что и как они там видят.

Было. Пару раз была почти полная уверенность. Но она не рискнула удостовериться. И вот он – один из них. Никита – разумное существо мужского пола (точно-точно). Иногда на общих парах потока они одновременно смотрели на одно и то же. На то, чего не видели другие. Так ей казалось. И он, вроде как, видел. Потом они одновременно поворачивали головы и встречались глазами. И в этот момент там было что-то такое... похожее на понимание. Но каждый из них сомневался, каждый думал, что другой понимает что-то своё. И, возможно, так и было... и...

Почему сейчас? В этом мокнущем городе, небо которого забито радугами до болотной мути, в этом ванильном празднике, сиреневато-розовой тошноты... в этом всеобщем ленивом номинальном буйстве. Почему сейчас он вытащил её на поверхность?

В пустоте раскатывались множество эх, вторя ударам капель об асфальт и влажную землю. Гулкие удары, глуховатые и словно придушенные. Бесшумный смех. И его ладонь на её запястье. Какая нить связала их в этот момент?

Искра или, скорее, электрический заряд молниеносно понёсся по сверкающим нитям сети. Паутина засияла, прочерчивая путь причинно-следственных связей. Наклонив снова голову, как птичка, Кити следила за этим полётом. Она видела, как заряд утыкается в предметы, чуть притормаживает, выбирая путь на развилке, и мчится дальше. Это кружение света рассыпалось и металось вокруг, не уходя слишком далеко. Впрочем, что есть далеко в пустоте? Это длилось мгновение. Как всегда в осознанности. Здесь всё длится прямо сейчас. Едва уловимо. Или неуловимо совсем. И никто бы не заметил. Но, когда она подняла глаза, то ясно увидела: заметил он. Он увидел, как она собрала сноп электрических искр в точку начала этой истории и точно определила, как и почему всё началось.

Она получила чистое знание. Он испугался. Чистое знание рождает только одну эмоцию: чистое наслаждение. Спокойное, бесстрастное, почти такое же пустое как сама пустота.

«Не бойся»

Мягкой ладонью по жёсткой щетине. Не бойся. И нити заискрились и для него. Он увидел так же, как она. Он увидел её. Эмоции – те же вещи. Просто комбинация вещей в пустоте. И нити распутать так просто, если их не смял океан.

Нужно ли больше слов? В осознанности вроде бы и нет. В осознанности – определённо да. Но они не стали говорить. Может быть, когда-нибудь потом. Сейчас было достаточно и того, что паутинки искрились, моменты сменяли один другой, время останавливалось, расширялось до бесконечности, переполнялось самотождественностью, а потом наступал новый момент, новое бесконечное время, новая череда пустот и отражений.

Из прошлого на поверхность поднялся образ, связался с разумным существом в настоящем: пришелец. Как и она. Или не как она, но и не как они. Это то, что она мельком увидела ещё тогда, но то ли не поверила, то ли не придала значения. Как будто даже фактура кожи отличается. Более ровная, гладкая, какого-то ненастоящего цвета, вроде как у манекена. И очертания черепа слишком правильные – как у фигуры с зеркальной симметрией из учебника по топологии или начертательной геометрии. И глаза слишком большие, слишком открытые, такой формы... миндалевидные, так это называется? Нет. Больше похоже на два листочка акации. И странные веки, не нависающие, но складкой закрывающие почти полностью сами себя. Она мысленно разглядывала воспоминание, склеивала его с реальным существом, которое двигалось сейчас рядом. И в походке, в пластике тоже было что-то нетипичное. Рубленные движения. словно время от времени терялся кадр или два, части тела оказывались в другом сегменте пространства, минуя неминуемый переход. Кто ты? В кино так передвигаются призраки. Призрак.

На всякий случай она коснулась пальцами предплечья Никиты. Светлые волоски упруго поддались давлению, подушечки обдало жаром чужой плоти. Пальцы ощутили преграду и не прошли сквозь неё. Несмотря на бесконечные пустоты между атомами, материя плотно держала паритет, позволяя вещам быть вещами. Не призрак. Хотя, кто знает, каковы призраки на самом деле, если на самом деле они существуют. Душа...

Она опять забыла, что такое душа. Это то, что видит и чувствует пустоту. Почему-то кажется, что пустота только душе и подвластна. Значит ли это...? Да нет, что за ерунда. Миллиарды разумных существ без души? Это определённо какая-то ошибка.

Стекло и отражение. В отражении реальное порой становится ещё реальнее. Не случайно же у нежити проблемы с зеркалами. Перестроив с некоторым усилием фокус, можно увидеть, что там внутри. А внутри много пустоты и не очень много вещей. А разумных существ почти совсем нет. Только скучающий бармен и увлечённо читающая интернет официантка. Подходит. Такая концентрация пустоты им подходит вполне.

Никто из них не знал, что они будут делать. Сначала нужно было найти это место. Теперь нужно было зайти внутрь и выбрать подходящее положение в пространстве. Потом они сделают заказ после долгих мук выбора. А потом... Они оба одновременно поняли это. И это было забавно и весело. Значит всё получится.

Внутри пустота оказалась терпкой и совершенно по-особенному густой. Стёкла были прозрачными только снаружи. А отсюда казались тёмно-синими. Полутьма шептала о вечере, лампы притворялись свечами. Казалось даже, что под потолком вокруг самого большого светильника, подозрительно напоминающего луну, роятся мотыльки.

А ещё здесь было тихо. Только гудели цикады. Безумие какое-то. Цикады. Чем дольше это длилось, тем отчётливее издали доносились звуки лёгкихпляжных мелодий, а воздух обретал свежесть ночного морского бриза и запах солёной воды и водорослей. Стало казаться, что под ногами галька, а на кожу осаживаются брызги прибоя. Какая безумно реалистичная иллюзия. Даже пустота замерла и начала медленно сжиматься.

Это ведь ненормально, что мы так верим в неправду? Но с другой стороны, мы верим иллюзии кино или книги. Иногда Кити видела пустоту между строк, между предметами на экране, между героями вымысла. Не в любом фильме и не в любой книге. Только в тех, которые не притворялись фильмами и книгами, а были ими на самом деле. В них была пустота. И все знали, что это какая-то другая пустота, что это вымысел и неправда, что это чья-то фантазия. Но пустота и сверкающие паутинки... они там появлялись и звенели. И причинно-следственные связи работали там совершенно так же. Это было не по-настоящему, но по-настоящему. Иногда это было даже больше по-настоящему, чем настоящее. Иногда фильм звенел пустотой, а мама и папа с их претензиями и требованиями душили плотной плёнкой океана. И пустота вымысла умножала реальность на два. А поскольку вымыслов тысячи и тысячи, значит и реальностей великое множество.

И здесь сейчас звенела одна пустота в другой. И какая была больше, какая меньше, какая оказалась вложенной, а какая обнимающей – кто бы решился ответить?

Хотелось плавать. Это воды прошлого вытолкнули наверх новое воспоминание, разбуженные странными впечатлениями. Плавать, отдаться невесомости волн, их свежести и прохладе, почувствовать солоноватый привкус... Это нечестно. Такая иллюзия должна приводить к морю.

Взгляд искал водную гладь. И она нашлась. Большой бассейн, хоть и мелкий, упирался в стену с экраном, за которым продолжалась подвижная поверхность воды, отражающей нарисованную луну. Кити и Никита провалились вместе в этот вымысел. И вместе наткнулись на противоречие, сбивавшее с толку и заставлявшее увериться в том, что они в дивной иллюзии.

Где все? Как столь дивный сегмент существования может быть таким пустынным? И не важно, этот вопрос о морском побережье или о кафе на одной из центральных улиц города. Если бы это было по-настоящему, на любом уровне реальности, именно сюда должны были бы направиться бурные потоки разумных существ, чтобы укрыться от непогоды и продолжить радоваться своей приказной радостью.

Но зал был пуст. Сейчас пропали и официантка с барменом. Синяя полутьма становилась всё мягче и бархатистее. На столике между шезлонгами стояли два больших бокала, наполненные льдом и лимонадом. В поле зрения не было ничего, кроме ночного побережья. Это было слишком реально. В какой слой реальности мы проникли?

Сначала любопытство. Потом некоторое опасение. Кити и Никита медленно оглядывались, стараясь ухватить хоть одну сверкающую паутинку в пустоте. Но была пустота, были точками предметы в пустоте. А нити исчезли. Причины и следствия здесь оказались не связаны. Что-то медленно менялось, но как? Почему? Что толкало эти изменения, к чему они вели? Медленно-медленно, в тысячекратно замедленном воспроизведении идеально сконструированного вымысла вещи плыли и меняли свои очертания. Светящиеся связи – жалкие остатки огромной сети – связывали здесь и сейчас, в этом немыслимом теперь только их двоих.

Дыхание, одно на двоих, остановилось. Кто испытывал ужас перед неизвестностью или бесконечностью – совершеннейший младенец. Тот ужас, который навалился теперь, оказался неподъёмным, как само мироздание. Не шевелиться, не дышать, не мыслить даже, чтобы не всколыхнуть эту дикую пустоту без причинно-следственных связей.

Ужас вытеснил пустоту. Или слился с ней? Это длилось и длилось. И если бы можно было умереть, то они были бы уже мертвы от этого ужаса. Но, видимо, теперь этого было нельзя. Поле зрения пульсировало, наполняясь разноцветными мурашками. Можно было бы подумать, что это кровь стучится в глаза, в виски. Но ничего не менялось, только ужас всё длился и длился, длился и длился.

Как далеко это распространилось? Не понять и не увидеть. Ужас парализовал и тело, и душу. Захватила ли иллюзия только их самих? Или часть пространства? Или весь мир? Всё?

Вопросы приходили, меняя без изменений пустоту без связей. Беспомощность и смирение, только бы прекратить этот ад.

Тысячи жизней вместились бы в это мгновенье. А это было оно, никто не сомневался. Были прожиты прямо сейчас тысячи жизней каждым из них. Но зачем? И в мире без связей всё это стало казаться всего лишь случайною встречей. Причина? А точно причина была?

Нити вспыхнули разом. Они появились, словно и были тут, не исчезая. Выдох раздался под потолком оглушительно громкий. Реальность в реальности в новой реальности в сотнях вложений...

И реальность вздрогнула.

III И реальность вздрогнула

Они оба это почувствовали. Не было ни грохота, ни взрывов, ни разлетающихся осколков, ни разлома форм. Она вздрогнула, как будто мелко задрожала на очень короткий миг. А потом всё закончилось. Как и не было. Ужас медленно теплел и растворялся в мягком полумраке. Глаза ширились, дыхание становилось прерывистым. Испуг – это про реальность, про мир, с которым имеешь дело каждый день и каждую минуту. Вернулось прежнее, ужас уступил место страху.

Структура восстановилась. Но что-то поменялось безвозвратно. Паутинки тянулись снопам, но немного не так и не туда. Перемену можно было и не заметить, если бы не то, что ей предшествовало.

Что-то в мире стало другим. Будто нечто ушло, освободило пространство новым вещам, которые тут же поспешили укорениться среди пустот и притвориться извечными и изначальными. Здесь, внутри иллюзии этого помещения, невозможно было уловить изменения. Выглядело всё совсем как прежде. Только не было разумных существ. Впрочем, они куда-то запропастились ещё раньше. Чтобы увидеть сдвиги, придётся расширить обзор.

Двигаться стало трудно. Страх давил неподъёмной силой ступни и плечи. Даже вдыхать и выдыхать воздух приходилось через напряжение и приказ. Тела желали остаться здесь, остаться в пространстве видимого. Кити встала первой и подождала, пока Никита сделает над собой усилие. В полной тишине они двинулись к выходу. Выход был всё там же. Непрозрачные поверхности, скрывающие нечто невиданное. В этом не было никаких сомнений. За ними окажется что-то такое, что перевернёт существование полностью. Не на сто восемьдесят градусов, а наизнанку. Буквально вывернет в другое измерение. Хотя... это просто условности, просто попытки сознания рационализировать происходящее, подобрать всему этому знакомые названия, сделать вид, что тут всё как обычно, понятно и познаваемо, и бояться совершенно нечего, а испуг – лишь рефлекторный ответ на внезапность...

Одна десятая мира, который они теперь знают, осталась позади. Ещё девять раз по столько – и впереди открытие. Заставить себя... да есть ли у них выбор? Никакого. Сидеть вечно в этом морском бризе, в иллюзии покоя и мира. О, вечность – это слишком много. Не долго, нет. Ибо в вечности время не существует так, как нам привычно. Много. Много, неохватно, слишком. Разумные существа хотят меньше, хотят небольшими порциями, хотят познавать медленно и вдумчиво, так, как способен их крохотный примитивный мозг.

Опасливое соприкосновение с вещами в пустоте. Пространство расширилось, открывая доступ к улицам, зданиям, деревьям, небу, забитому радугами. Радуги будто поблекли. Праздник из мутно-болотного стал просто серым. Или нет? Кажется, праздника больше нет. Радуги остались, но праздник развеялся. Возможно ли, чтобы дождь размыл его так быстро, так скоро? Только пожать плечами. Многое возможно, о чём мы не знаем.

Капли всё ещё падают, расшибаясь о плитку. Редкие. Много пустоты между ними. Но это всё ещё дождь. Улицы пусты. Совсем пусты. Ни одного разумного существа. И если прислушаться, то можно услышать непривычный для города гул: словно шумит природа. Деревья скребут ветвями туманы, ветер перебирает листья и лепестки, птицы хлопают крыльями, мелкая живность тихонько топчет по мокрой земле. Но не слышатся сердитые рыки автомобилей. В центре движение перекрыто. Всё-таки праздник. Но в паре кварталов, в десятках метров отсюда должно быть много сердитых машин.

Скоро переглянувшись, ни слова не говоря, они ускорили шаг и свернули на первую же поперечную улицу. Три квартала почти пробежали, словно пытаясь догнать то, что очевидно исчезло. Там была тишина. И широкая пустота. Проезжая часть на шесть полос полная пустоты.

Разумные существа боятся дождя. Эту условность можно допустить и принять. Но машины – мобильные укрытия, в которых так просто скрыться. Осадками их не спугнуть.

Одиноким рокот двигателя разрушил идиллию тишины. Кити и Никита разом обернулись и успели увидеть, как дальний перекрёсток проскочила серебристая легковушка. Значит, они существуют. Не исчезли. Конечно же, нет. Вот они стоят у обочин, припаркованные аккуратно и не очень. Пустые, свободные, живые. Они существуют. Но нет разумных существ.

Окна отражают тучи, медленно превращающиеся в белые облака. Струи воды стекают по стёклам, множа блики и разбивая отражения. Занавеска выбилась в открытую створку, раздулась пыльным розовым пузырьком. Ещё немного, и ветер вырвет её и она затанцует трепетно-нежно. Жалюзи щерятся на светлое небо, скрывая ловушку темноты за собой. Но за окнами нет привычных силуэтов, празднующих праздничный праздник.

Распахнутые настежь двери фастфудной. Там-то должно быть полно народа, там должен гудеть голосами улей разумных существ. Подойти, подбежать, заглянуть, ворваться. И никого. Дребезжит кофе-машина, выплёвывая коричневую струю в бумажный стакан. Шкварчат сосиски на электрогриле. Всё так, словно покупатели выстроились в очередь и ждут своих яств, а продавцы и повара суетятся, готовые всех накормить и напоить. Но их нет. Никто не суетится, никто не ждёт. Столы, покрытые посудой и подносами, стулья, беспорядочно расставленные вокруг, робот-уборщик, деловито ползающий между прилавками, стойками и скамейками. Гудящий электрический свет. Слово все просто отошли на пару минут: персонал скрылся в служебных помещениях в поисках пополнения иссякших ингредиентов, посетители вышли в уборные или соседние магазинчики, чтобы скоротать ожидание за нехитрыми развлечениями или насущными делами. Просто все сразу, одновременно. Бывают же совпадения.

Вопрос в глазах, вопрос между ними. Без слов. Кажется, будто слова, сказанные вслух или даже шёпотом, что-то сломают в этом равновесии повседневности, насыщенной внезапной случайностью...

Нужно найти новые двери, новые входы и выходы.

Маленький продуктовый магазин такой же живой и такой же лишённый присутствия разума. Полнятся полки, светятся экраны касс, мелькает реклама и даже музыка льётся откуда-то из потолка. Просто именно сейчас здесь нет ни одного покупателя. Так бывает. Маленький магазин в центре города. Их здесь сотни. Все разом выбрали какое-то другое место, у кассиров пересменка, а раскладка товаров только что произошла...

Большие ворота музея, маленький двор. Стол с самоваром, в одноразовых кружках чай, выпускающий пар. Баранки на блюдах мокнут под иссякающими каплями мороси. Динамики басят патриотичными песнями. Грунтовая дорожка покрыта сотнями следов, оставленных конечностями разумных существ только что, минуты назад, секунды. Всё здесь в движении, даже не замершем, просто притихшем.

Нет смысла бежать. Даже если медленно-медленно идти, картина останется прежней. Приближается парк. Мокрые скамейки свободны все как одна. Под широкими плотными кронами клёнов деревянные перекладины лишь едва влажные, и ветер их уже подсушил. Можно присесть. Озираться вокруг, дёргать за паутинки.

Солнце прорывается сквозь облака. Радуги рассеиваются без особого сопротивления. От праздника вовсе ничего не осталось. Шелест и щебет, шорох и лязг механизмов. Город звучит, значит, живёт. Можно слушать бесконечно этот мирный ход времени, наслаждаясь ирреальным покоем. Наполненная обычно тьмой пустота становится голубой, почти белой, светится днём, дышит полнотой и неограниченностью. Ничего-ничего подобного ни ей, ни ему не доводилось переживать в гуще мегаполиса. Но в этом городе, в этом теперь можно сидеть, млея от наслаждения, кажется, бесконечно.

Плечи расправляются сами собой. Расслабляются брови, разглаживаются морщины. Попытки впитать всё это сразу, наполниться светом и дыханием... В голубизне нити почти не видны.

— Здесь нет океана...

Верно. Никита прав. Постоянный напор упругой толстой плёнки, старающейся спеленать тебя каждый момент, исчез. По крайней мере, здесь и сейчас, в конкретно этом теперь он не ощущается. Так вот почему так легко, почему столько сил и энергии, столько возможности видеть, даже не цепляясь за нити. Вот почему темнота пустоты сменилась светом, стала будто бы шире.

—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.